

Воспоминание

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...*

А. Твардовский

8 ноября 1941 года в Мюнхене Гитлер заявил: «Ленинграду придется умереть голодной смертью...».

4 февраля 1944 года в наш госпиталь поступил фронтовик с БПТ (боевая психическая травма). Это был молодой парень двадцати трех лет, хотя в волосах просачивалась явная седина, будто ему уже за 60. Наблюдать за ним было довольно интересно. Мы четко выполняли свои обязанности: давали нужные медикаменты, ухаживали, оказывали необходимую помощь. Со мной и другими сестрами он контактировал, но все же разговаривал достаточно редко и вел себя отстраненно, что вполне свойственно людям с его диагнозом.

Он находился у нас долго. Здоровье его с трудом поддавалось восстановлению. Иногда он впадал в забытие, смотрел отрешенным взглядом, бредил. Он начинал говорить несвязные вещи, смеялся и плакал одновременно. Мы кололи ему успокоительное, а если не помогало, то связывали. Такие приступы случались редко, но невыносимо тяжело было на него смотреть. Я чувствовала, что медицина должна помочь, ведь солдатом с таким диагнозом было предостаточно, и мы всех вылечивали. Но, когда мы связывали его, возникало ощущение, что он полностью отдает себе отчет в своих действиях, что на все порывы безумия у него есть одно общее объяснение. Оставлять его одного было нельзя. В одиночестве он сразу начинал плакать, иногда это доходило до истерики, а порой вовсе молчал себе под нос. Все это было страшно и происходило на моих глазах и на виду у врачей.

Симптомы его все не прекращались, порой он лихорадил, лекарства ему помогали, но на время. Спустя две недели решался вопрос о переводе его в психиатрическую больницу, где его болезнью будут заниматься специалисты. Я понимала, что дело вовсе не в лекарствах и не во врачах. Все до единого знали, что он безнадежен. Вопрос лишь во времени.

Пока решался вопрос о переводе, я пыталась поговорить с ним. Причем не как с больным, а как с абсолютно нормальным, здоровым человеком. Это оказалось сложной задачей. Сначала он вообще игнорировал меня. Затем начал обращаться ко мне, если нужно было помочь встать с кровати (все-таки он был слаб) или если ему вдруг ему становилось плохо. Я его никогда не спрашивала, что с ним случилось.

Его забрали на фронт в ноябре 1941 года. В Петербурге осталась его жена и двое детей. Тогда еще все только начиналось. Ни один петербуржец не мог даже представить, что ему придется пережить. После прорыва блокады он возвращается домой. Открывает дверь и видит, как его жена (в тот момент это было просто иссохшее тело) доедает ногу их ребенка.

Перевести в психиатрическую больницу его не успели. Спустя несколько дней у него отказали ноги, он слабел на глазах, впадал в горячку. Ничего не ел последние дни. После месяца пребывания в госпитале он скончался.

Из сохранившихся дневников жителей блокадного Ленинграда: *«Люди от голода настолько ослабели, что не сопротивляются смерти. Умирают так, как будто засыпают. А окружающие полуживые люди не обращают на них никакого внимания. Смерть стала явлением, наблюдаемом на каждом шагу. К ней привыкли, появилось полное равнодушие: ведь не сегодня – завтра такая участь ожидает каждого. Когда утром выходишь из дому, натыкаешься на трупы, лежащие в подворотне, на улице. Трупы долго лежат, так как некому их убирать».*

8 ноября 1941 года в Мюнхене Гитлер заявил: «Ленинграду придется умереть голодной смертью...».